

СЕРГЕЙ ГЕРМАН

ДОРОГА С ВОЙНЫ

Из книги “Чеченские рассказы”

АТЫ-БАТЫ

*Солдатам и офицерам 205-й Буденновской
мотострелковой бригады, живым и погибшим...*

В начале ноября выпал первый снег. Белые хлопья падали на обледенелые палатки, покрывая поле, истоптанное солдатскими ботинками и обезображенное колесами армейских тягачей, белоснежным одеялом. Несмотря на поздний час, палаточный городок не спал. В автопарке рычали моторы, из жестяных труб буржуек валил сизый дым. Откинулся сизый полог палатки, и, закутавшись в пятнистый бушлат, из жаркого прокуренного чрева вылез человек. Приплясывая на ходу и ничего не замечая вокруг, справил малую нужду, потом, поживаясь от холода, поплотнее запахнул полы бушлата и ахнул:

— Господи... Тра-та-та, твою же мать, как хорошо!

Таинственно мерцали далекие звезды, обкусанная по краям луна освещала землю желтоватым светом. Замерзнув, человек зевнул и, уже не обра-

ГЕРМАН Сергей Эдуардович родился в декабре 1961 года в Новосибирске. Потомок командира русского корпуса генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Германа фон Ферзена, выходца из Саксонии, разбившего 30 сентября 1790 г. войска Батал-паши у реки Кубань. После прохождения срочной службы закончил училище МВД СССР, юридический факультет университета. Жил в Сибири, Средней Азии, на Северном Кавказе. Осенью-зимой 1999—2000 гг. в составе объединенной группировки российских войск воевал в Чечне, был ранен, контужен. Награжден 4 медалями, именными часами от Героя России генерала Трошева. Автор нескольких книг. Действительный член Европейской академии естественных наук.

шая ни на что внимания, юркнул в палатку. Часовой проводил его завистливым взглядом, до смены караула еще оставалось больше часа, всю водку в палатке за это время должны были допить. Разведчики гуляли, старшине контрактной службы Ромке Гизатуллину исполнилось тридцать лет.

В палатке бушевала раскаленная буржуйка, на цинках с патронами, застеленных газетой, стояла водка, крупными шматами лежали нарезанные хлеб, сало, колбаса. Разгоряченные разведчики в тельняшках и майках, обнявшись и стучаясь лбами, пели под гитару проникновенно:

— Россия нас не жалует ни славой, ни рублем. Но мы ее последние солда-а-аты, и значит, надо выстоять, покуда не померем. Аты-баты, аты-баты.

Грузный мужчина лет сорока пяти, с седой головой и вислыми казачьими усами, пошарив под нарами, достал еще одну бутылку, ловко вскрыл крышку, напевая про себя:

— Служил я не за звания и не за ордена. Не по душе мне звездочки по бла-а-ату, но звезды капитанские я выслужил сполна, аты-баты, аты-баты. — Потом разлил водку по кружкам и стаканам, дождался тишины:

— Давайте, хлопчики, выпьем за военное счастье и за простое солдатское везение. Помню, в первую кампанию встретил я в госпитале одного паренька-срочника. За год боев все рода войск поменял. В Грозный вошел танкистом, танк сожгли, попал в госпиталь. После госпиталя стал морпехом, потом опять попал в мясорубку, чудом остался жив и дослуживал уже в Юргинской бригаде связи. Так связистом и уволился.

Разведчики чокнулись разномастной посудой, дружно выпили.

— А я вот помню случай, тоже в первую войну, вошли мы в Веденский район, разведка доложила, что в селе боевики, мы — на танке, двух самоходах, пехота — на броне. — Говоривший лежал под одеялом, не принимая участия в застолье, блики от горящих поленьев бежали по его лицу. — Входим в Ведено, а у меня же мысли в голове, может, Басаева возьмем, — он переждал смех, неторопливо прикурил, усмехнулся своим воспоминаниям. — Молодой был, думал, с медалью или орденом домой приеду, вот в деревне разговор будет. Входим в село с трех сторон и прямо к дому Басаева, пока все спят, луна вот так же, как сегодня, светила. Прем внезапно — без разведки, без поддержки, без боевого охранения, выносим ворота дома. Я ствол танка прямо в окна. А в доме тишина, все ушли, даже собаку с привязи отпустили.

Походили мы по комнатам, посмотрели. Потом давай в машины аппаратуру всякую грузить, телевизор, “видики”. “Чехи” сбежали, ничего собрать даже не успели, наверное, кто-то предупредил. А может, они и волну нашу слушали. Спускаемся с взводным в подвал, а на столе лежит дипломат. Мы его осмотрели, проводов не видно, открыли, а там доллары, половина дипломата забита деньгами. Старлею нашему чуть плохо не стало. Я говорю, может, поделим между всеми, а он на полном серьезе достает пистолет и говорит, сейчас все посчитаем, перепишем, опечатаем и сдадим командованию. Я так подозреваю, что он подвиг хотел совершить, все мечтал в Академию поступить, генералом стать.

От печки раздался голос:

— С такими деньгами он бы и без Академии генералом стал.

— Пока мы эти бабки долбаные считали и опечатывали, уже светать начало. Мы же скорее, скорее, лейтенанту доложить хочется, по машинам и вперед. Как раз на выезде из села нас и хлопнули, командирскую машину подорвали на фугасе, вторая влетела в эту же воронку, мы пока развернулись, перебило гусеницы. Кое-как заняли оборону, начали отстреливаться. Когда в первой машине боекомплект рваться начал, “чехи” ушли. Лейтенанта нашего в живот ранило, он ползет, за ним кишки по земле волочатся, а в руках чемодан с деньгами. Я сначала подумал, что у лейтенанта крыша поехала, а потом присмотрелся, оказывается, он дипломат к руке наручниками пристегнул.

Седоусый протянул:

— Да-а, очень уж твой лейтенант, наверное, в Академию хотел попасть, а может, просто принципиальный был, такие тоже встречаются. Я вот помню случай...

Досказать ему не дали, загредел покрытый льдом полог палатки, в проеме показались перепачканные глиной сапоги, красное с мороза лицо замполита. Ему не удивились, никто не стал прятать стаканы:

— Садись с нами, комиссар, выпей с разведчиками.

Капитан заглянул в прозрачную бездну стакана, тронул седоусого за рукав тельняшки:

— Ты, Степаныч, заяц стреляный, поэтому коней пока попридержи. Пить больше не давай, но и спать уже не укладывай, а то будут, как варенные. Через три часа выступаем. Надо держаться, пока не доберемся до коммандатуры.

Замполит опрокинул в себя стакан и, закусывая на ходу, пятнистым медведем полез из палатки. Степаныч собрал посуду, убрал ее в один мешок:

— Ша! Братцы, давайте потихонечку собираться, скоро выступаем.

Подъем объявили на час раньше. Собрали палатки, загрузили в “уралы” оставшиеся дрова, вещи, прицепили к тягачам полевые кухни. Оставленный лагерь напоминал развороченный муравейник: на истоптанном сапогами снегу чернели проталины от палаток, тут же рыскали голодные собаки, вылизывающие консервные банки. Грязно-серая ворона задумчиво сидела на куче брошенных автомобильных покрышек, внимательно наблюдая за снующими туда и сюда людьми. Одна разведывательно-дозорная машина стояла в начале колонны, другая ее замыкала. Багровый от гнева Степаныч высунулся из люка головной машины и, перекикивая рев моторов, стал что-то орать, стучая себя по голове и тыкая пальцем в командирскую машину. Замполит толкнул в бок дремлющего прапорщика, техника по вооружению:

— Ты поставил пулеметы на БРДМ?

Техник стал оправдываться:

— Пулеметы получил поздно ночью, да еще и в смазке, поставить не успел.

Не слушая его, замполит процедил:

— Не успел, значит. Надо было ночью разведчиков поднять, они бы сами все поставили. Теперь молись, чтобы благополучно добрались, если начнется заварушка, тебя или “чехи” расстреляют, или Степаныч лично к стенке поставит.

Плюнув в сторону командирской машины, Степаныч полез внутрь БРДМа. Поцелкав тумблером радиостанции, объявил:

— Ну, хлопчики, если доберемся живые, поставлю Господу самую толстую свечку.

Рация тоже не работала. Впереди колонны встал “уазик” военной автоинспекции, ротный дал отмашку, колонна тронулась. Степаныч пододвинул к себе цинк с патронами, стал набивать магазины. Андрей Шарапов, тот самый разведчик, который ночью не пил, сосредоточенно крутил баранку, мурлыкая себе под нос: “Афганистан, Молдавия и вот теперь Чечня оставили на сердце боль утра-а-ты”. Сидящий за пулеметом Сашка Беседин, по кличке Бес, внезапно спросил:

— Андрюха, а ты ведь вчера не досказал, что с долларами-то вашими получилось?

Шарапов помолчал, потом нехотя ответил:

— Доллары оказались фальшивыми, во всяком случае, так нам объявили. Я много думал над этим, нас или “чехи” развели, оставив приманку, чтобы мы задержались, или... или нас просто напросто кинули наши.

Дальше ехали молча. Степаныч, кряхтя, натянул на бушлат бронежилет, надвинул на лицо маску и полез на броню. Колонна извивалась серо-зеленой змеей, рычали моторы, стволы пулеметов хищно и настороженно смотрели по сторонам дороги. Не останавливаясь на блок-посту, пересекли административную границу с Чечней, минводские милиционеры, несущие службу и досматривающие весь транспорт, отсалютовали колонне согнутыми в локте руками.

Из открытого люка высунулся Гизатуллин, подставил сонное страдающее лицо под холодный ветерок, потом протянул Степанычу алюминиевую фляжку. Тот отрицательно покачал головой. Колонна прошла через какое-то село. Позади остался деревянный столб с расстрелянной табличкой “...юрт”.

Через несколько минут двигатель БРДМа чихнул и смолк, колонна встала. К машине бежал ротный, матерился. Увидев Степаныча, замолчал. Шарاپов уже копался в моторе.

— Командир! — обращаясь к Степанычу, закричал Андрей. — Бензонасос навернулся, я попробую отремонтировать, но работы на час, не меньше!

— Ты вот что, товарищ майор, — сказал Степаныч, — давай ставь впереди второй бардак и уводи колонну. А нам оставь ВАИшный “уазик”, через часок мы вас догоним. — Чуть слышно бормотнул: — Если останемся живы... Не нравится мне все это, ох, не нравится.

Снял с плеча автомат, передернул затвор, загоняя патрон в патронник. Колонна прошла мимо, разведчики на ушедшей машине вылезли на броню, махали руками и автоматами. Степаныч распорядился:

— Так, гвардейцы, расслабуха кончилась. Всем оружие зарядить, в лес не ходить, из-под прикрытия брони не высовываться, снайперов и растяжки на этой войне еще никто не отменял.

Прошло минут десять. Порвалась прокладка на крышке бензонасоса, и топливо не попадало в карбюратор. Замерзшие пальцы не слушались, и Шарاپов чертыхался вполголоса.

Прапорщик-автоинспектор дремал в кабине “уазика”, разведчики, привычно рассредоточившись, держали окружающую местность под прицелами автоматов. Гизатуллин остановил красные “жигули”. Водитель, молодой чеченец, пообещал привезти бензонасос с ГАЗ-53. Степаныч переговоров не слышал, вместе с Шарапковым копался в движке. Минут через пятнадцать-двадцать показался “жигуленок”. Гизатуллин обрадовано потер ладони:

— Сейчас поедем.

Что-то в приближающейся автомашине не понравилось Степанычу, он спрыгнул с брони, передвигая автомат с плеча на живот. Почти одновременно с ним, не доезжая до разведчиков метров 50—70, машину занесло на скользкой дороге, и она встала боком. Приспустились стекла, и по машине разведчиков один за другим ударили огненные струи из автоматов. Маленькие жалающие пули кромсали обледенелый наст дороги, дырявили жесть “уазика”, рикошетили от объятной пламенем брони. Андрей Шарапков, наполовину свесившись из люка, лежал на броне, на его спине горел бушлат. Гизатуллина очередь срезало половину черепа. Уже мертвое тело агонизировало на белом снегу, желтоватый мозг с красными кровяными прожилками пульсировал в раскрытой черепной коробке. Прошитоое автоматной очередью тело Беседина летело навстречу земле, и он медленно опускался на колени, пытаясь приподнять оружие обессилевшими руками. Степанычу перебило левую руку, посеколо лицо. Зарывав, он перекатился в дорожную канаву. Кровь заливала лицо, в глазах стояли и двигались красные точки. Уходящая машина была одной из них, и он почти наугад выстрелил из подствольника. Потом, уже не слыша выстрелов, все нажимал и нажимал на спусковой крючок, не замечая, что в магазине закончились патроны, что машина горит, выбрасывая вверх острые языки пламени. Один за другим прозвучало еще два взрыва. У красных “жигулей” сорвало двери, они отлетели на несколько метров и догорали, чадя черным дымом. Снег под сторевшей машиной растаял, обнажив проталины черной земли. Было тихо. Белое солнце мутно светило сквозь завесу облаков. У линии горизонта, над Грозным висела пелена дыма, город горел. Тишину утра разорвал шум крыльев и воронье карканье — птицы спешили за своей добычей. Хлопнула дверь “уазика”, из машины выполз автоинспектор, безумными глазами оглядел разбросанные тела, чадающие машины и пополз в сторону леса, черная снег карманами бушлата. Стоя на коленях перед мертвым Бесединым, Степаныч зубами рвал обертку бинта, не замечая, что кровь уже перестает пузыриться на его губах, застывая на морозе и превращаясь в кровавую корку.

Раскачиваясь всем телом, Степаныч завыл. Падающие снежинки покрывали неподвижные тела, кровавые лужи, стреляные гильзы белым пушистым одеялом. Серые вороны настороженно прогуливались, расписывая белую землю своими следами.

ВЕРА

Несмотря на летний месяц, погода в последние дни совершенно не радовала. С самого утра небо заволочило серыми тучами, которые проливались на землю холодным, каким-то безрадостным дождем. Как нарочно, я забыл дома зонт и, промокнув до нитки, уже не спешил укрыться от холодных струй, а обреченно шагал по мостовой, равнодушно рассматривая стекла витрин.

Настроение было под стать погоде. Несколько месяцев назад меня, подобно песчинке во время бури, подхватил ветер иммиграции и опустил в красивой, богатой, но страшно далекой и чужой Германии. Внезапно навалились проблемы, о которых я и не подозревал: бытовые неурядицы, языковый барьер, вакуум общения. И самое страшное: я чувствовал себя лишним на этом празднике жизни. Не звонил телефон, мне не нужно было никуда спешить, меня никто не ждал и не искал со мною встреч.

Редкие прохожие бросали в мою сторону равнодушные взгляды и молча спешили по своим делам. Я был здесь чужим. На душе было горько. Обидно было осознавать свою ненужность в сорок лет.

Погруженный в свои безрадостные мысли, я совершенно ничего не замечал вокруг, а когда внезапно поднял глаза, меня будто что-то толкнуло в грудь. Мне показалось, что из-за стекла мне в лицо бьет солнечный луч. Я подошел ближе. Через стекло было видно небольшое помещение, заставленное мольбертами и холстами.

На стене, рядом с окном, висела уже законченная картина, которая и заставила меня остановиться. На ней была изображена какая-то ветхая сельская церквушка, отражающаяся в протекающей мимо речке. Из-за церковных куполов медленно выкатывалось солнце, озаряя землю, усыпанную увядающим листьями, каким-то неземным светом. Казалось, что вот еще одно мгновение, и растают сумерки, прекратится дождь, и на душе станет легче. Я прикрыл лицо рукой: неумолимая память уносила меня в недавнее прошлое.

...Зимой 2000 года российские войска вошли в Грозный. Штабисты учли опыт первой чеченской войны, когда за двое суток нового 1995 года были почти полностью уничтожены 131-я Майкопская бригада, 81-й Самарский мотострелковый полк и значительная часть 8-го Волгоградского корпуса, шедшего на помощь умирающим русским батальонам.

Подготовка к штурму мятежной чеченской столицы велась серьезно и длилась несколько месяцев. Все это время днем и ночью над сожженным городом висела авиация федеральных сил. Ракеты и снаряды сделали свое дело — город практически перестал существовать. Все высотные здания были разрушены, деревянные постройки сожжены, и мертвые дома молча смотрели на людей пустыми глазницами окон.

Вместе с тем под завалами продолжали жить люди. Это были жители Грозного, в основном — старики, женщины, дети, потерявшие за годы войны близких, жилье, имущество и не желающие покидать город, потому что в России их никто не ждал...

Оборона города была поручена Шамилю Басаеву и его “абхазскому” батальону. Федеральные войска должны были окружить город и уничтожить всех боевиков, но Басаев перехитрил российских генералов и в последнюю ночь перед штурмом увел часть своих боевиков в горы.

Другая часть под видом “мирных” жителей осела в городе и близлежащих селах.

В начале февраля разведка донесла, что “чехи” в преддверии очередной годовщины депортации 1944 года готовят к 23 февраля серию терактов. Внезапно в городе появилось много молодых мужчин.

Командование группировкой российских войск приказало усилить гарнизон Грозного сводными отрядами, состоящими из бойцов комендантских рот, ОМОНа и СОБРа.

Так я оказался в Грозном. Мой контракт к тому времени уже подходил к концу, и я очень надеялся, что останусь жив и вернусь домой.

Несмотря на бодрые заверения политиков о том, что война в Чечне вот-вот закончится, в Грозном по-прежнему из-под завалов били снайпера, взры-

вались на фугасах люди и машины. Наша задача была проста: сопровождать колонны, охранять здания и учреждения. Если возникнет необходимость, принимать участие в зачистках.

В тот февральский день с утра светило солнце. Выпавший снежок слегка припорошил груды битого кирпича и куски ржавой жести, которыми была усыпана земля. Говорят, в прошлую войну местные жители этими кусками накрывали тела мертвых солдат, чтобы их не пожрали крысы и собаки.

Свободные от службы бойцы вповалку спят на дощатых нарах. Старшина Игорь Перепелицын сидит у раскаленной буржуйки и чистит автомат. Игорь родился в Грозном, здесь служил в милиции, дослужился до офицера. Потом, когда русских в Чечне стали убивать, он уехал в Россию, но в “органах” места ему не нашлось. Тогда вместе с казаками Перепелицын уехал воевать в Югославию, потом — в Приднестровье. Ну, а когда началась заваруха в Чечне, он был тут как тут. Его милицейское звание здесь не считается, и Игорь вместе с нами тянет солдатскую лямку. Он знает все о Чечне и о чеченцах. Я спрашиваю его:

— Игорек, а с Басаевым ты встречался?

— Ну-у, Шамиль — лошадка темная, учился в Москве, говорят, что даже Белый дом во время путча 1991 года защищал. Знаю одно, что перед тем, как он появился в Абхазии, его батальон прошел подготовку на учебной базе то ли КГБ, то ли ГРУ. Специально его для Чечни натаскивали, понимаешь?

Старшина клацает затвором, нажимает на курок.

— А вот Руслана Лобазанова, Лобзика, бывшего спортсмена, знал лично, в одной школе учились. Сильный был человек, волевой, хотя и отморозок конченный. Лучшего друга детства Ису Копейку по его приказу вместе с машиной сожгли. Тоже какие-то шашни с комитетом крутил. После того, как его охранник застрелил, в кармане удостоверение комитетское нашли.

Игорь сплевывает на пол:

— Поверь на слово, все они здесь повязаны одной веревкой. Я воюю только потому, что остановиться не могу, война — это как наркотик, затягивает.

— Ну, а когда эта заваруха закончится, что делать будешь?

— На Москву пойду. Соберу ребят отчаянных и на Кремль рвану. Вот тогда вся страна вздохнет с облегчением.

Договорить нам не дали. Прибегает офицер-собровец, кричит:

— Хлопцы! Подъем! “Чехи” из гранатомета рынок обстреляли.

Выезжаем на зачистку. Народ на рынке сразу же разбежался. На грязном снегу лежат несколько мертвых солдат, в окровавленных грязных бушлатах, и несколько гражданских. Над ними уже воют женщины. Мы перекрываем БТРами улицы, ведущие к рынку, командует майор из СОБРа. Спускаемся в подвал, вместе с нами бойцы ОМОНа, Игорь Перепелицын страхует вход. В подвале живут люди — русские старики, дети. Они испуганной стайкой прижимаются к стене. На стоящей посередине подвала кровати остается сидеть девчонка лет 15—16, тарашит испуганные глаза и прячет что-то под подушку. Омоновец наставляет на нее автомат:

— Тебе, красавица, что — особое приглашение нужно, или ноги от страха отнялись?

Девчонка неожиданно с вызовом откидывает одеяло.

— Представь себе, отнялись!

Вместо ног у нее торчат обрубки. Какой-то старик кричит:

— Родимые, да мы же свои, который год здесь мыкаемся. Вера — вообще с прошлой войны сирота, да еще и ноги бомбой оторвало.

Я подхожу и осторожно накрываю ее ноги серым солдатским одеялом, достаю из-под подушки спрятанный пакет. Я — специалист по разминированию, но на фугас это не похоже. Оказалось — краски, обыкновенные акварельные краски. Девчонка смотрит исподлобья:

— Если захочешь забрать, я не отдам.

Омоновец по-крестьянски вздыхает:

— Господь с тобой, дочка. Мы ведь — тоже люди.

Вечером возвращаемся на базу. Нашли несколько снарядов. Этого добра здесь навалом. Задержали несколько мужчин-чеченцев. Одного из них Игорь знает. Что-то спрашивает по-чеченски. Тот не отвечает. Старшина поясняет: — Это Ширвани Асхабов. Их шестеро братьев, все боевики. Трое от бомбежек в городе погибли, остальные в горы ушли.

Задержанных доставили во временный райотдел милиции. Игорь что-то долго объяснял дежурному. На следующий день я выпросил у старшины два сухих пайка. За коробку конфет взял в санчасти бинты и лекарства. Пришел во вчерашний подвал. Никто не удивился моему приходу. Люди занимались своими делами. Девочка рисовала, сидя на кровати. С белого листа на меня смотрела старенькая церковь, ее отражение в осенней воде. Я задвинул вещмешок под кровать, присаживаюсь на ее край.

— Как дела, художник?

Девочка улыбнулась бескровными губами:

— Хорошо или почти хорошо. Вот только ноги болят. Представляешь, их уже нет, а они болят.

Мы сидели часа два. Девочка рисовала и рассказывала о себе. История самая обыкновенная, и от этого кажется еще страшней. Мать — чеченка, отец — немец, Рудольф Керн. До войны преподавали в Грозненском нефтяном институте, собирались уезжать в Россию, но не успели. Отец подрабатывал извозом и однажды вечером не вернулся домой. Кто-то позарился на его старенькие “жигули”. В то время в городе часто находили неопознанные трупы. Узнав о гибели отца, заболела мама. Не вставала с постели, и, однажды вернувшись домой, девочка не нашла ни квартиры, ни матери. Город почти каждый день бомбили российские самолеты, и вместо дома остались одни развалины.

А потом Вера наступила на забытую кем-то мину. Хорошо, что люди вовремя отнесли ее в госпиталь, где оперировали боевиков.

Мы долго молчим. Я курю, потом спрашиваю, есть ли у нее какие-нибудь родственники в России. Она отвечает, что в Нальчике живет брат ее отца, но он, кажется, давно собирался уезжать в Германию. Я прощаюсь и собираюсь уходить. Девочка протягивает мне рисунок и говорит:

— Я хочу написать такую картину, чтобы, глядя на нее, каждый человек поверил в себя, в то, что все у него будет хорошо. Без веры человеку жить нельзя.

Девочка смотрит на меня своими большими глазами, и мне кажется, что она знает о жизни гораздо больше меня.

Я собирался навестить Веру на следующий день, но на войне ничего нельзя загадывать. Наш БТР подорвался на фугасе. Механик-водитель и стрелок погибли, а мы с Перепелицыным отделались контузией и несколькими осколками. Из Буденновского госпиталя я позвонил корреспонденту НТВ Ольге Кирий и рассказал ей историю о девочке, потерявшей на войне ноги. Ольга согласилась помочь найти ее родных и запустила эту историю в ближайший репортаж. Потом она прислала письмо, в котором сообщила, что Вера из Грозного в Германию увез ее дядя...

И вот я стою у темной витрины и пытаюсь рассмотреть подпись на картине. Вера?.. Как же ты мне сейчас нужна, ВЕРА!

ГОЛГОФА СЕГОДНЯ

В лето 2000 года от Рождества Христова, по пыльной и каменистой дороге, ведущей к аулу Тенги-Чу, пятеро вооруженных всадников гнали троих пленников. Беспощадное солнце заставило спрятаться все живое, насекомые и твари укрылись под камнями и в расщелинах, ожидая наступления спасительной вечерней прохлады. В знойной и вязкой тишине раздавался лишь перестук копыт да лошадиный храп. Рыжебородый Ахмет, натянув на нос широкую армейскую панаму и откинувшись в седле, негромко мурлыкал:

*Со вина, со нага
Мастаги эгена
Хай конт осал ма хате.
(Моя родимая мать,
Врагов разгромили,
И сын твой достоин тебя.)*

Невольники, едва переставляя ватные ноги, тянулись за лошадьми, увлекаемые натянутой веревкой, привязанной к седлу. В некотором отдалении от них неторопливый ослик, недовольно помахивая хвостом, тянул за собой повозку на резиновом ходу. Повозка прыгала, попадая на камни, и тогда раздавался глухой стук, будто кто-то бил по крышке гроба — бух-х, бух-х.

Повозкой управлял веснушчатый мальчик около двенадцати лет, в руках у него было одноствольное охотничье ружье. Мальчик наводил его на пленников, потом звонко хохотал, щелкая курком. Пленные измучены, их мальчишеские тонкие шеи торчат из воротников грязных рубашек, разбитые в кровь ноги кровоточат. Соленый едкий пот стекает по щекам, разъедая подсохшую корочку ссадин и оставляя на серой от пыли и грязи коже кривые дорожки следов.

Из-за выступа горы показались крыши домов. Встрепенувшийся Ахмет остановил колонну, встав на стремянах, долго всматривался в сонные, безлюдные улицы. Раздувая ноздри тонкого хищного носа, вдыхал запах родного аула, дым костров, парного молока, свежеепеченного хлеба. В ауле взирали собаки, чужая запах чужих.

Ахмет что-то крикнул на своем гортанном языке. Двое всадников, спешившись, развязали пленникам руки. Трое солдат без сил опустили на дорогу, прямо в горячую, серую пыль.

Из-за каменных заборов люди молча смотрели на гроыхающую повозку, молчаливых всадников с оружием, пленных солдат, несущих на согнутых спинах огромный пятиметровый крест. Грубо оструганные сосновые перекладины припечатывают их тела к земле. Застывшие капельки смолы бусинками крови застывают на свежеструганом дереве. Кажется, что мертвое дерево плачет по еще живым людям. Старики, женщины и дети вышли из своих домов, молча пристраиваясь вслед идущей процессии.

Солдаты-срочники и прапорщик неделю назад были взяты в плен под Урус-Мартаном, когда устанавливали крест на месте гибели своего замполита. На площади перед зданием бывшего сельсовета солдаты положили крест на землю, равнодушно стучаясь плечами, выкопали яму, укрепили крест в земле. Люди смотрели на происходящее со смешанным чувством страха и любопытства. Мальчишки кидали в солдат камни, старики, отделившись от толпы, опирались на свои палки, тыча в пленных заскорузлыми сухими пальцами. На вид двум солдатам было не больше 18—20 лет, испуганные мальчишеские лица белели тетрадными листами в приближающихся сумерках. Прапорщик, чуть более старший по возрасту, безостановочно сглатывал вязкую липкую слюну, борясь с приступом смертельного страха. Безоблачное небо стало затягиваться серыми тучами, подул легкий ветерок.

Ахмет что-то крикнул, бородатые люди стали подгонять палками солдат, заставляя их работать быстрее. Приготовления были закончены. Мальчишек-срочников поставили по краям креста, прапорщика проволокой привязали к перекладине. Ахмет зачитывал длинный лист бумаги. “За творимые на чеченской территории преступления, убийства людей... изнасилования... грабежи... суд шариата... приговорил...”.

Поднявшийся ветер относит в сторону его слова, треплет лист бумаги, забивает рот, мешая говорить. “...Приговорил, с учетом обстоятельств, смягчающих вину... молодость и раскаяние, солдат срочной службы Андрея Макарова и Сергея Звягинцева к ста ударам палками. Прапорщика... российской армии... за геноцид и уничтожение чеченского народа, разрушение мечетей и осквернение священной мусульманской земли и веры... к смертной казни...” Один из конвоиров, выполняющий обязанности палача, взбравшись на табуретку, несколькими короткими сильными ударами вбил в

запястья рук толстые длинные гвозди. Ржавыми плоскогубцами перекусил проволоку. Повисший на гвоздях человек застонал и мучительно выдохнул: “Оте-е-ец”.

Солдат тут же на площади разложили на земле. Длинные суковатые палки разорвали кожу, мгновенно превратив ее в кровавые лохмотья. Человек на кресте хрипло и тяжело дышал, на светлых ресницах дрожала прозрачная слеза.

Люди расходились по домам, на площади лежали распластанные тела, жутко белел покосившийся крест. В соседних домах выли собаки, человек на кресте был еще жив, покрытое испариной тело дышало, искусанные в кровь губы шептали и звали кого-то...

На безлюдной площади остался один Ахмет. Раскачиваясь с носков на пятки, он долго стоял перед хрипящим человеком, бессильно пытающимся поднять голову и что-то сказать.

Ахмет вытащил из-за пояса нож, пристав на цыпочки сверху вниз, разрезал его рубашку, усмехнулся, заметив на впалой мальчишеской груди белющей алюминиевый крестик:

— Что же, солдат, тебя не спасает твоя вера, где же твой бог?

— Мой Бог — Любовь, она вечна, — почерневшие губы едва шептали.

Оскалив крепкие желтые зубы, коротко размахнувшись, Ахмет ударил ножом. Небо разорвалось страшным грохотом, ударил гром, и темнота опустилась на землю. Капли дождя омывали мертвые тела, смывая с них кровь и боль. Небо плакало, возвращая на землю слезы матерей, оплакивающих своих детей.

.....

Маленький светлоголовый мальчик, похожий на своего отца как две капли воды, держался за его руку:

— Папа, что такое Бог? — спросил он.

— Бог — это любовь, сынок. Если ты будешь верить в Господа и любить все живое, тогда ты будешь жить вечно, потому что любовь не умирает.

Длинные ресницы дрогнули, мальчик спросил:

— Папа, это значит, что я никогда не умру?

Отец и сын шли по заваленной желтыми листьями московской аллее, вслушиваясь в колокольный перезвон. Жизнь продолжалась, как и две тысячи лет назад. Маленькая голубая планета двигалась по орбите, вновь повторяя и повторяя свой путь.

С ВОЙНЫ ОБРАТНОЙ ДОРОГИ НЕТ...

Железнодорожный вокзал маленького южного городка до отказа забит людьми. Начался бархатный сезон, первым признаком которого является отсутствие железнодорожных билетов.

На вокзале два зала ожидания, один — коммерческий, второй общий. В коммерческом коротают время и ждут поезда люди, стремящиеся к теплому морю, еще жаркому ласковому солнцу, дешевым фруктам.

Этих людей ожидают комфорт и покой. Вход в зал платный, и в нем нет надоевших попрошаек-цыган, беженцев из Чечни, бездомных бродяг, стремящихся переночевать, и солдат, возвращающихся с войны.

Здесь есть несколько телевизоров, чистый туалет с бумагой и полотенцами, буфетная стойка, за которой подают дежурных цыплят, мягкие булочки, пиво, кофе. Вход в этот оазис благополучия охраняет милиционер с резиновой дубинкой и короткоствольным автоматом. Рядом с ним сидит девушка-контролер в новенькой железнодорожной форме и кокетливом беретике. Она принимает оплату за вход и строит милиционеру глазки.

В общем зале прямо на полу лежат солдаты-срочники, небритые кондуктики, возвращающиеся домой. Билетов нет, солдаты по 3—4 дня не мо-

гут сесть на поезд. Они спят прямо на полу, подстелив под себя грязные бушлаты и подложив под головы вещевые мешки. Вырвавшись оттуда, где еще вчера убивали они и пытались убить их, многие начинают пить тут же на вокзале, кое-кто снимает проститутку или просто потерянно бродит по улицам.

Милиция и офицеры не обращают на них никакого внимания. Офицеры держатся особняком, стараясь разъехаться по гостиницам или частным квартирам.

По залу ожидания ходит маленький нерусский мальчик. Он подходит к пассажирам и протягивает немытую ладошку. Лицо его чумазо, одежда требует стирки и ремонта. Какая-то сердобольная старушка подходит к нему и протягивает домашний пирожок. Мальчишка берет гостинец, вертит его в руках и сует в мусорную урну. Ему нужны деньги. Сейчас в России появился особый бизнес: дети просят милостыню, потом отдают ее взрослым. Если ребенок не принесет денег, он будет наказан.

Рыжий сержант-контрактник со шрамом на лице пнул ногой вещмешок и пошел к железнодорожной кассе. Стеклоочистки прикрыты табличкой “Билетов нет”, кассирша с широким мужеподобным лицом перекладывает купюры, не обращая никакого внимания на безропотных пассажиров. Сержант проталкивается сквозь очередь и стучит в мутное стекло:

— Девушка, мне очень нужен билет до Новосибирска.

Кассирша, не поднимая глаз, отвечает равнодушно-дежурной фразой:

— Билетов нет.

Сержант пробует сделать умоляющее лицо:

— Девушка, мне очень надо уехать, у меня мать при смерти, — и как последний аргумент: — Девушка, я с войны еду, ведь не застану мамашу.

Кассирша наконец поднимает голову:

— У нас правила одинаковые для всех, я вашей матери ничем помочь не могу.

Сержант ударил кулаком в плексигласовое окно, выдернул из кармана ручную гранату, оглянулся на замерших в ужасе людей. Сунул ее обратно в карман, выдернул из ножен висящий на поясе нож, закатал левый рукав и ударил лезвием по вене. В стекло, прямо на кричащий что-то покрашенный рот, ударила струя крови. Громко закричала какая-то женщина, контрактник побелел, опустился на колени и тихонько завалился на пол, лицом вперед. На крик прибежали два милиционера с автоматами, наклонились к лежащему человеку, один из них принялся перетягивать руку жгутом, другой, ногой отбросив в сторону нож, быстро и привычно обыскал его карманы. Вытащив гранату, присвистнул и по рации стал связываться с дежурной частью.

В это время к лежащим на полу солдатам подошел мальчик-попрошайка, привычно протянул за деньгами руку.

— Ты к кому подошел, чурка проклятый, у кого просишь деньги. Иди к своим ваххабитам, они тебе дадут! — заорал подошедший с бутылками вина белобрысый солдат. Когда мальчишка метнулся в сторону, он присел на корточки. — Там кто-то из наших вены себе вскрыл, крови, как на бойне! Царство ему небесное, если не выживет, — глухо сказал он.

Пока солдаты из горлышка пили вино, пассажиры стыдливо прятали в сторону глаза.

К лежащему в луже крови контрактнику в сопровождении толстого милиционера — дежурного по вокзалу, подошли два санитара с носилками.

Перевалили тело на носилки и безучастно побрели к машине.

Следующим утром об этом случае рассказали в программе “Время”. Кто-то из пассажиров успел снять на видеокамеру чумазого ребенка, просящего милостыню, солдат, спящих на грязном полу, носилки с окровавленным контрактником, вокзальную уборщицу, вытирающую грязной тряпкой человеческую кровь. Через несколько часов после этого в кассе появились билеты. Мальчишки-солдаты, как маленькие, прыгали на мягких купейных полках, лизали мороженое и были похожи на детей, которых оставили без присмотра родители.